Александр Измайловский

Влезет только стол

Александр Измайловский
Влезет только стол

https://litres.ru/74724429
SelfPub; 2026

Аннотация

До понедельника Лидии Андреевне надо освободить квартиру на Гайве. Старшая дочь уже пообещала бабушкин сервант внучке. Младшая охотно избавилась бы от раскройного стола, за которым мать пропустила столько семейных вечеров. Средняя знает, зачем он ей понадобился именно теперь. Пока сёстры прикидывают, что пройдёт в дверь, Лидия Андреевна разворачивает ткань. У неё первый за семьдесят лет заказ, который она взяла для собственного удовольствия. И ей на минуту нужна Золушка.

Содержание

Глава 1. Стекло назад 4
Глава 2. Парковочное место 17
Глава 3. На живую нитку 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Александр Измайловский
Влезет только стол

Глава 1. Стекло назад

Первое, что мать велела отнести обратно, была пустая коробка.

— Я её с вокзала тащила, — сказала Таня.

— Тем более. Пускай теперь кто-нибудь с ней на вокзал сходит.

В коробке, по мнению Тани, следовало везти стекло. Она выбирала её по длине, когда в привокзальном магазине женщина в зелёном фартуке разрешила покопаться за прилавком. Двойной картон, снизу нарисован велосипед. По всему выходило, что в Перми ради сохранности фамильного хрусталя разобрали хороший мальчишечий велик.

— У тебя ведь сервант, мам.

— У меня ещё унитаз. Ты подо всё принесла?

Мать стояла в дверях на газетке, в одном ботинке. Другой, видимо, не успела надеть. В квартире пахло октябрьскими яблоками, а из-под ботинка выглядывало лицо счастливого чиновника с лопатой. Таня поставила ребро коробки ему на лоб, отпустила картон и обняла мать через него. За минувшие месяцы мать постриглась. Короткий упругий затылок

лёг в ладонь, и Таня её поцеловала туда, куда попала, за ухо.

— Ты куда-то собралась?

— С вами. Я тут, по-твоему, для кого нарядилась?

Кроме ботинка на матери были чёрные брюки и голубая рубашка с мелкими перламутровыми пуговицами. Таня такую помнила. Если надеть её задом наперёд, получался чудесный халат доктора, и сестра Нина соглашалась на любую операцию, кроме удаления миндалин. Нина давно носила очки для чтения, Вера покрасилась в медный цвет, а рубашке ничего не сделалось.

Таня прожила на Гайве семнадцать лет и всякий раз, приезжая, целилась коленом в одно место, где раньше торчала наружу дверца обувного шкафчика. Шкафчик увезли на дачу ещё при бабушке. С тех пор Таня, входя, делала крошечное танцевальное па. На этот раз она чуть не наступила Вере на руку. Старшая сидела за коробкой на корточках и водила по полу розовой тряпкой.

— Яблоко раздавили, — пояснила она. — Поздоровайся хоть.

— Я не вижу тебя за всем этим хозяйством.

Они обнялись, как вышло, одна на корточках, другая ещё в пальто. У Веры изо рта торчал пластмассовый колпачок от фломастера.

— Ты с ним целоваться будешь?

Вера вынула колпачок.

— От той, которая лучше всех знает, куда что надо засу-

нуть, я жду помощи. Бери верхнюю одежду, проверь карманы. Всё лишнее по пакетам. Ботинки, мам, давай уж оба, или сними.

Мать достала второй ботинок. В нём уже поселилось маленькое зелёное яблоко.

— Ну и соседка у нас, — сказала она. — Говорю: «Рая, уезжаю». Говорит: «Самое время тебе антоновки ведро».

В комнате Нина сидела за длинным столом в гарнитуре, прижимая один наушник к уху. В руках у неё был старый будильник, по стеклу шла трещина, стрелки показывали без четверти восемь. Нина слушала так внимательно, словно докладывали о жизни на другой планете. Таня наклонилась к ней со спины, клюнула в щёку.

— По видео тогда вечером, — сказала Нина кому-то. — Нет, на ней самой нужно. Сейчас никак. До вечера.

Она сняла гарнитуру.

— Танька, глянь, он идёт.

— У него же батарейки нету.

— Вот именно. Я полторы минуты сидела и считала, пока дошло, что у меня в ухе поворотник. Человек из машины звонил.

Нина и дома умудрялась сидеть на самом краешке стула, точно с вокзала приехала всё-таки она и за ней подадут через минуту. Перед ней лежал плоский узел, завязанный платком. На уголке была пришита крошечная петля из белой резинки. Мать, подойдя, погладила петлю большим пальцем и убрала

узел в нижний ящик стола.

— Одно моё место в доме, — сказала она. — Хоть его до завтра не пакуйте.

Таня пошла за одеждой. Мать пять раз обещала выбросить старое пальто с каракулевым воротником, а в нём лежали пять одинаковых бумажных носовых платков, нераскрытый сахар из поезда и троллейбусный билет с неприлично маленькой ценой. Всё нужное было теперь легче всего найти в старых карманах. Зато замочную скважину у сервантной дверцы кто-то запечатал пластырем. На нём стояла торопливая синяя буква «А».

Сервант был у них лучшим местом для игры в заграницу. Тане выдавалось зеркало за стеклом и хрустальный ананас с крышкой, Нине — нижний полированный буфет, куда можно было поставить два колена и высунуть одну руку, принимая багаж. Секции у серванта были вполне современные для своего времени, бабушка сама записывалась на него в магазин. Дочери потом безнаказанно запихивали туда всякий хлам. Бабушка не разрешала только наклеивать картинки снаружи.

— А чего дверь залеплена?

— Не дёргай, — отозвалась Вера из прихожей. — Ася себе отметила.

— Пластырем? Всё, где нажитое отлежалось, залеплено на чьё-нибудь имя?

— Ты пальцем продавишь, потом счищать. Возьми лучше

бумаги, вон стопка.

Вера исчезла, а Таня обвела влажным пальцем круг на стекле. Ананаса не было, на его месте стоял крохотный асфальтоукладчик. Машинка была асина, оранжевая, с круглым катком.

Из-за стола на неё смотрела мать.

— Ты ей сервант отдала? — спросила Таня.

— Кому?

— Асе.

— Она у меня просила асфальтоукладчик. И тот оставила. Я ей за двадцать лет хорошо бы плату за стоянку выставила.

Мать пошла в кухню, вытащила оттуда яблочное ведро. За матерью с банкой под мышкой и половником появилась Нина.

— Нинка, где новая квартира? В самом городе или, как мама любит говорить, «куда увезёте»?

— Я такое когда говорила? — немедленно отозвалась мать. — В морге, что ли? Ключи у меня. Вы бы быстрее возились.

Поехать в новую собирались ещё в четверг. На фотографиях она всем нравилась. Мать выбрала себе дом с лифтом и лавочкой под крышей у входа. Прежние хозяева оставили в ванной шкафчик, а в кухне — карниз. Про один этот карниз Вера прислала пять фотографий. На пятой был крупно виден Верин палец, а под ним — Танин, синий, из готовых ответов.

Теперь предполагалось, что все трое знают в квартире каждый подоконник. Вере предстояло отдать перевозчикам схему, она договаривалась о машине на утро понедельника. В полдень за ключами от пустой квартиры на Гайве придут покупатели. Таня взяла под переезд два дня за свой счёт. Ей хотелось провести эти дни с какой-нибудь определённой пользой и сразу уехать. Визиты с открытой датой всякий раз кончались у неё обещаниями непонятно кому и виной перед всеми по очереди.

Она набила первый пакет шарфами, пока не поняла, что на пакете написано «Стирать».

— Вер, а где пакет под шарфы, которые хорошие?

— Хорошие тоже постираем.

— В чём же она выйдет сейчас?

Мать уже выходила. Нашла себе меховые наушники, которые три зимы назад подарила ей внучка. В сочетании с ботинками на толстой подошве у неё получился такой вид, что на неё хотелось оглянуться, а дочь Вера взялась за дверной косяк и сказала:

— У меня такая девушка в училище была. В точности. Ей все наши мальчишки давали куртку понести.

— Ну вот, — сказала мать, — а мне за все семьдесят лет ни разу. Хоть теперь похожу.

Вера смеясь приладила ей ремешок от сумки, который попал под воротник; на миг Таня увидела, как маленькой Вере завязывают чепчик. Со старшей это бывало: наклон головы,

терпеливое ожидание, что сейчас взрослый человек застегнёт последнюю пуговицу и можно будет бежать. Только бежала теперь всегда Вера. У остальных куртки ещё висели на вешалке, а она уже была внизу и держала подъездную дверь ногой.

Машина стояла под мокрыми голыми рябинами. Пока выезжали со двора, мать послала воздушный поцелуй кому-то невидимому за полупрозрачной шторой второго этажа.

— Ты и когда в магазин за хлебом ходишь, с Раей так прощаешься? — спросила Таня.

— Она просила дать знать, что я с вами. Ей страшно, что в одиночку поеду.

— До города?

— Вообще.

Мать сняла наушники и вдруг наклонилась, чтобы поймать шарившую возле ведра на заднем сиденье Танину руку.

— Погоди брать. По самому краю битые. Серединку бери.

Яблоко оказалось таким кислым, что у Тани заломило за ушами. Она откусила и протянула Нине. Та безропотно откусила тоже. Двадцать лет так не делали. Между передними сиденьями немедленно появилась Верина раскрытая ладонь.

В машине они слушали, как сестра жуёт за рулём. На стекле разводами собирался мелкий дождь. Мимо шли одноэтажные магазины, деревья с белыми комьями рекламных пакетов на ветках, серые лужи величиной с лодку. Вера дождалась, пока дворники пройдут дважды, и положила обгло-

данное яблоко в пустой подстаканник.

— Итак, в лифт сервант войдёт. Я мерила от пола до потолка, если снять верх. Мы с ребятами про это говорили.

— А стол? — спросила мать.

— Стол разборный. Его вообще не вопрос вынести.

— Куда?

Таня чуть не рассмеялась. Верка повела разговор о мебели тем особенным своим голосом, каким заказывала зимой три порции пломбира на холодном вокзале, когда они были маленькие. Деньги были только на две, но старшая до последнего уверенно продолжала заказывать три, и продавщица, сбитая с толку, пересчитывала монеты ещё раз.

— Мам. Мы везём твою кровать, шкаф с полками, холодильник и стиралку. Тумбы ты сама просила одну у кровати, другую под телефон. Сервант надо поставить до марта. У Аси в марте кончается договор. Мы обсуждали.

— Ага, — сказала мать. — Кто?

— Я с Асей.

— С марта у неё будет дворец?

— Она снимает с мебелью. В следующую будет искать без.

— Что ж она, собственную жизнь должна устраивать под этот гроб? — спросила Таня.

— Господи, Танька, ей двадцать четыре. Она захотела совершенно определённую вещь. Какую тебе оставлять, сама скажешь, возражений никаких.

Возражения у Тани были, и все какие-то безнадёжно ме-

лочные. Она предпочла бы, чтобы мать не слушала, как её дочери раздают её имущество ещё в машине. Сама же она первым делом дёрнула сервант за ручку. И кто её, собственно, спрашивал, подо что Асе устраивать жизнь? Сама Таня однажды купила торшер, привезла домой в такси, поставила у шкафа, а утром не смогла достать джинсы. Пришлось звонить тому же водителю.

Она поёжилась от мокрого рукава. Куртка промокла, пока на вокзале она таскала эту дурацкую коробку. Уходя, она сплющила коробку и сунула за старое пальто. Мать видела и ничего не сказала. Одно ведро яблок везли по Перми вперёд всего остального.

— Мам, а ты сама как хотела? — спросила она.

— Я бы сейчас чай пила, если бы вы мне дали доварить воду. Всё дальнейшее я лучше на месте скажу.

Вера перестала перебирать передачи и всю дорогу до нового дома почти молчала. Только возле подъезда призналась, что оставила рулетку дома, на столешнице. Все три повернулись к Нине. Она подняла перед собой ладони.

— Почему вы смотрите на меня с такой надеждой?

— У тебя восемь разных отвёрток в сумке.

— Зато ни одной рулетки.

Мать расстегнула боковой карман.

— Девушки, ну вы куда без меня собрались?

В руке у неё была старая жёлтая лента с серебряными кончиками. Семья поднялась в лифте с зеркалом. Впервые за

день Таня увидела всех сразу. Вера держала ключи от машины, Нина яблоки, мать сантиметр, а сама она прижимала к себе мамины меховые наушники, незаметно переползшие на неё за время пути.

Мать открыла дверь. В щетинистой застиранной дорожке, оставленной прежними хозяевами, лежал шуруп.

— Заходите, — сказала она дочерям.

И это было неожиданно. В последний раз их приглашали вот так войти в совершенно незнакомое жильё по отдельности, много лет назад, когда замуж выходила сама Вера, а потом Нина переселялась в общежитие и Таня открывала им свою первую комнату возле трамвайного разворота. Мать все эти годы принимала на Гайве. Она имела обыкновение кричать «не заперто», и за дверью всегда был кто-то, а здесь ещё никого. Она пропустила дочерей и вошла следом.

— Вот тут сапоги снимайте. Ведро, Нин, у порога оставь.

В комнате лежал свёрнутый матрас. Кроме него и карниза, прислонённого к стене, было пусто. На стене, которую фотографировала Вера, выгорел светлый прямоугольник. Вера встала возле него и размахнулась рукой, показывая, как встанет кровать. Нина пошла к окну, покрутила ручку. Радость от нового места Таня обнаружила в себе по тому, с каким удовольствием крутила бы сейчас эту ручку сама.

— Я сплю у двери, — сказала мать. — И из окна тогда видно, что на улице.

— Дует же.

— Пока продует оба стеклопакета, я успею помереть с комфортом.

Вера приоткрыла рот и снова закрыла. Из комнаты было видно короткую кухню через коридорчик, дальше светилась молочная вставка в двери ванной. Если поставить кровать там, где хотела мать, длинная глухая стена действительно оставалась свободной.

— Двести десять, — сказала мать. — И восемьдесят восемь. Давай ленточку положим.

Таня опустилась на колени. Сантиметр был длиной в полтора метра, пришлось отметить кончик ногтем и переложить ленту. Вера положила свой телефон в один угол воображаемой столешницы, Нина свой в другой. У третьего угла оказался шуруп, поднятый с дорожки. Вера смотрела на телефоны так, будто те названивали одновременно.

— А сюда сервант, — сказала она и упёрлась спиной в стенку.

Мать дала ей в руки подушку в тугом магазинном пластике, оставленную на матрасе.

— Ты теперь с бельём. Я пойду из ванной, а ты мне навстречу. Пройдём?

Вера сделала полшага вбок и села на корточки возле своего телефона. Коленом она опрокинула карниз. Он поехал по обоям вниз и встал поперёк прохода, как шлагбаум. Все засмеялись, кроме неё.

— Ещё кровать можно развернуть.

— У меня ноги тогда в двери, — сказала мать. — Ты бы себе так поставила?

Вера положила подушку на воображаемую столешницу. Подушка упала ей на ногу.

— Я ведь у Аси уже взяла, — сказала Вера.

— Что ты у неё взяла?

— Старые газеты, коробочки для винтов. Она отложила в магазине, где работает подружка. Привезла мне целую сумку. Я её за это ещё поцеловала, дура.

Таня представила, как Ася тащила свою сумку, а следом, с другого конца Перми, она сама пёрла с вокзала картонный велосипед. Сёстры могли бы устроить пересадочный пункт.

— Ты мне про Нину всегда говоришь: в любое время пусть ночует, — сказала Вера. — А внучке стенку до марта жалко?

Едва сказав, она потянулась за упавшим карнизом, словно могла бы взять обратно и эти слова. Мать его подняла раньше, взяла за оба конца. Крючки звякнули и съехали к её левой руке.

— У меня одна внучка, Вер. Что ей причитается, я сама с ней разберусь.

К телефону на полу пришло сообщение. Вера вгляделась в экран и протянула его матери.

— Ась, — сказала она уже в трубку. — Да как раз смотрим.

Ася звонила по видео. С низкого экрана показалась вязаная шапка, потом глаза и квартира, где на сушилке висели

полосатые наволочки.

— Ба, здравствуй. Мама тебе уже показала, где будет стоять мой сервант?

Глава 2. Парковочное место

Дочь звонила в шапке, потому что собиралась на улицу, наволочки же ей понадобились вдруг и немедленно. Разговаривая с бабушкой, Ася снимала сухую наволочку, набрасывала на другую и получившийся свёрток подпирала подбородком. Вера когда-то учила её прижимать чистое бельё к груди. Хватало на полдня. Дочь ходила по квартире со свёрнутым пододеяльником в зубах, с носком за поясом, полотенцем на затылке, и ничего у неё не падало.

— Ты видишь хоть, что тебе показывают? — спросила Вера.

— Ага. Ба, с новосельем. Ты там спала уже?

— Сама не спала, а подушку вон пожамкали. Спасибо, деточка.

— Завтра приеду. Нам с тобой мама придумает двойную фамилию, если ещё раз перепутает.

Обеих, внучку и бабушку, мать упорно называла по очереди «мам» и «Ась». До того, как Ася выросла, никогда не путала, а с тех пор, как из телефона всё время говорили они вдвоём, началось.

— Слушай, — сказала бабушка, — а ты в курсе, что бабушкин сервант размером с коня? Метр сорок в ширину. В нём двое твоих знакомых поместятся, если головы отвинтить.

— Ты согласилась подержать до весны, — сказала Ася. Наволочки исчезли с экрана. — Мам, ты сказала, что вы договорились.

Вера держала телефон на вытянутой руке и могла различить в верхнем углу уменьшенные почти до полного слияния своё и мамино лица. У матери на шее были такие же две резкие черты, как у Веры. Или у Веры, точнее, как у матери.

— Матрас двигается, — сказала она в сторону комнаты. — Тут ещё думать и думать. Зато из окна дерево видно, настоящее большое дерево. Ась, ты видела, какой у бабушки двор?

— Скажи всё-таки. Ты спросила?

— В своё время. Как эту квартиру ездили смотреть.

Мать отвернулась от телефона. Нина и Таня возились в коридоре со своим обувным богатством; младшая носила сорок первый при собственном скромном росте, и если ставила ботинки поперёк, никто больше выйти не мог. Нина вынесла их на площадку, выставила носами к стене. На площадке у Таниных ботинок сразу оказался деловой вид: смирно стояли носами к стене.

Вера вспомнила, что именно сказала матери при покупке. Помнила папку с распухшими картонными краями, длинную салфетку с тёмной кофейной дорожкой, которой они вытирали стол в конторе перед тем, как разложить бумаги. Мать протирала бумажник, сумку испачкала кофе, у неё затёк бок. Тогда-то Вера, помогая завинтить бутылку, сказала:

«Мам, сервант пусть у тебя пока постоит, Аська по нему с ума сходит». Мать решила, что кофе попал на заднюю сторону подписанного договора, распахнула папку. А на прощанье сказала: «Да живите как хотите, девки, только дай мне полминуты посидеть». Вера в тот день тоже ничего не ела.

— Я говорила, — уточнила она. — Ответа, может, не дождалась. Мы с утра таскались по городу, всё сделала одна, голова дырявая.

Ася успела засунуть волосы под шапку, теперь как в замедленной съёмке вытащила их обратно.

— Ты мне голосовое оставила. Что он мой и всё решено.

— Пока ещё никуда не девается твой…

Мать без разговоров забрала телефон из Вериной ладони.

— Деточка, я про него подумаю. Мне твоя мама, видишь, столько всего успевает сказать, что пока я задние слова слушаю, передние уже вылетели.

— А можно я сама приеду и посмотрю? Завтра, как договаривались.

— Можно, можно. И это, возьми у меня свою оранжевую технику. Квартиросъёмщики по ней проехались — Кока с Сиропом.

— Кока с Сиропом умерли, когда мне одиннадцать было.

— Ну вот. Давно пора по страховке выплачивать.

Ася шумно выдохнула, включился динамик; они услышали стук закрываемой форточки и чей-то голос: «Ась, ключи», потом прощальное короткое «всем пока». Телефон лёг

Вере в ладонь обратно. Сквозь довольно лёгкое пальто у неё промёрзла поясница, хотя в квартире топили. Оказалось, сестра опять открыла окно.

— Нин, прикрой, — сказала Вера. — Нам ещё на два адреса за пузырьками и за стретчем. Как-то бы сначала план составить, чтобы наматывать круги поменьше.

— Не поеду по магазинам, — сказала Таня. — Я уже картон притащила. Меня отвезти на Гайву, я там пакую.

— Нин?

Нина стояла у радиатора, засунув в рот шпильку, и поправляла волосы. Волос у неё осталось едва до подбородка, а собирала она их, как в свои девятнадцать, с нажимом, приглаживая всю голову ладонью. Шпилька, как всегда, оказалась бесполезна.

— Я с мамой. У неё ещё есть дело сегодня.

— У всех дело. У меня, может, музей расписан на три дня.

— В какой ты музей собралась? — полюбопытствовала Таня.

Она спрашивала всерьёз, и Вера почувствовала к ней внезапную благодарность. Дома она дважды собиралась сходить на выставку перед работой, выставку продлили, все объявили: посмотришь ещё, твоё никуда не денется. Третьего раза не вышло. Это была выставка ложек, трёхсот с чем-то ложек из дерева, серебра, кости, гнутого алюминия, кто сейчас только ложки ни вырезает. Наверно, и здесь что-нибудь в этом роде нашлось бы, если бы она думала про музей.

— В музей невыданных премий, — сказала она. — Поедем. А то охота была время тратить.

Мать отправила их искать машину, а сама осталась в квартире ещё немного. Вера спустилась, увидела в лифтовом зеркале две резкие морщины на шее и завернула наверх воротник. Возле машины Нина выпускала с пальцев, одного за другим, семь резиновых колечек. Теперь хоть понятно стало, отчего у неё на костяшках полосы.

— Нин, про сервант, — начала Вера.

— Я всё слышала.

— Вот-вот, в нашей семье все всё уже слышали.

— Ладно. Говори.

Нина раскрыла сумку и бросила туда колечки. На самом дне, рядом с упаковкой разноцветных прищепок для пакетов, лежала вполне приличная рулетка. Нина проследила за Вериным взглядом и прикрыла сумку.

— Тебе понадобилась или просто так?

— Ты чего стояла улыбалась, когда мы сантиметр искали?

— У неё из кармана сантиметр торчал. Она ещё в машине за него взялась. А ты бы сейчас мою рулетку схватила и пошла по всем стенам. Ты в прошлый раз ей даже билет в кино не дала подержать.

— Нин, это электронный был билет. Где ей его было держать?

— Хотя бы не объяснять ей, где туалет. Она пятнадцать лет в этот кинотеатр вас водила.

Таня ногтем снимала с яблока полоску кожицы. То же упрямое круглое личико, что и в детстве, когда находила вкусное и боялась, что заставят поделиться. Ещё вчера Вера выкупала ей билет, пока младшая была на работе и не могла отойти от стойки. Деньги Таня вернула через час, а вот как их покупать, эти последние билеты, когда очередь на экране убывает и руки мокрые, — это почему-то прилипло к Вере. До сих пор хотелось кому-нибудь пожаловаться. Про билет уже глупо. Про коробки тоже глупо. Оставались ложки, на которые она так и не сходила посмотреть.

Мать вышла во двор и окликнула их от подъезда:

— Домой поедем? Я себе супа приберегла. Вам тоже хватит, если Вера хлеб купит.

— Слушайте, — сказала Вера, — а что, если хлеб купит кто-нибудь другой?

Мать остановилась. Нина, застёгивая куртку, попала рукавом в замок молнии.

— Я могу, — сказала Таня. — Покажи, куда.

— Хоть вон куда. Мне без разницы, какой магазин.

Таня развернулась и пошла. Так просто. Теперь к остальным надо было садиться в машину и какое-то время сидеть там втроём, без хлеба и без младшей. Вера открыла водительскую дверь и остановилась, вглядываясь в колесо.

— Я могу по дороге заехать за упаковкой пока, — сказала мать. — Сюда с Верой на машине, потом пешком обратно на Гайву часов за пять.

— Мамочка, сядь уже.

— Ладно. Хлеб Таня действительно получше выбирает.

Пока ждали Таню, Нина пересела к матери назад. У неё жужжал телефон, и она раз за разом отказывала кому-то в звонке, всё гуще мрачнела, а когда телефон замолк, принялась тыкать его в колено.

Вера хлопнула ладонью по рулю.

— Нинка, у тебя что-то случилось? Ты мне зубы за рулетку заговорила, а сама прячешься целый день. Мама в больницу записалась?

— Сплюнь. У неё всё в порядке.

— А у тебя?

— У меня, видишь, заноза.

Нина без шуток показала указательный палец. На подушечке сбоку, где у людей обычно мозоль от ручки, торчало тонкое и чёрное, с крошечной воспалённой полоской кожи вокруг.

— От серванта? Он же сейчас весь сохлый.

— Дай, — распорядилась мать и, натянув край рукава на большой палец, попробовала подцепить занозу. Нина взвыла. Вера включила подсветку. Мать опустила Нинину ладонь, подняла, поднеся к глазам. Голубая манжета её рубашки, чёрные бархатные ресницы — Вера вдруг увидела ту молодую мать, которую ещё довольно хорошо помнила и которую сестры видели совсем недолго. У той хватало времени рассматривать через лупу дохлую муху, заглядывать вместе

с дочками в полый корпус шариковой ручки, чтобы выяснить, как устроена пружинка. Сидеть над занозой. Нину в детстве называли занозой саму. В её пятках бывали щепки такой длины, что, когда удавалось вынуть, мать втыкала их в переплёт старого технического справочника, и получалось целое частокольное село.

— Можно я сама сделаю вечером? — едва слышно спросила Нина.

— Можно. Дунь, полегче будет. Мне тоже зонтик руку подрал, там кончик облез.

У машины появилась Таня с круглым хлебом. У неё намок пробор, каштановые волосы потемнели. Второй рукой она держала бумажный пакет, из него доносился на полквартала дрожжевой дух.

— Решили брать ещё один заказ? — донеслось сзади. — Я же говорила, с машинками на этих сроках опасно.

Нина положила телефон на приборную доску экраном вверх. Голосовое сообщение играло через колонки. Вера потянулась к регулятору, но Нина покачала головой, и незнакомая женщина договорила:

— На завтра нам нужно платье Золушки, хоть из простыни, Лидия Андреевна. Иначе…

Нина нажала, стало слышно, как Таня рукавом скребёт стекло. Вера открыла дверь, и запах дрожжей вошёл в машину вместе с младшей.

— Это кто? — спросила Вера.

— Горячие, — сказала Таня. — Четыре с капустой. Извините, у меня выше бухгалтерской нормы расход.

— Театр, — сказала мать. — Это, Вера, значит, что люди там на сцене разговаривают, а те, внизу, жуют.

— Мам, я спросила, кто это по имени. У нас деваться некуда от мебели, завтра с девяти и до ночи лихорадка. Тебе звонят, ни здрасте, ни до свидания, и ты уже кому-то что-то должна. Какая ещё Золушка?

— В сказке их сколько? — спросила Таня со своим пирожком. — Дайте человеку из поезда понять.

Нина набрала полную грудь воздуха. Мать, уж совсем было набравшая такую же полную, вдруг выпрямилась и уступила дочери.

— У них любительская труппа, спектакль к зиме ставят. Я возила маму на репетицию. Кто из вас в последний раз видел, как она чем-то загорелась?

— Зачем ты отвечаешь за неё? — спросила Вера.

Нина замолчала. Веру с запозданием прошиб смех. Теперь и правда все сидели как паиньки. У матери пирожок был переломан пополам, на пальце лежала тонкая белая жилка капусты.

— Погодите. Я прожую сначала, — сказала мать. Дочери подождали. — Я взяла три костюма. У меня к вам будет просьба.

— Вот, — сказала Вера. — С этого бы надо было начинать.

Просьба оказалась сплошное наслаждение. Таня должна была вынуть из сумочки салфетку, Вера протянуть руку назад, Нина подержать очки. Лидия Андреевна высморкалась с необыкновенной для всех её семидесяти лет силой и только потом сообщила, что с горячей едой нос у неё всегда течёт и следовало бы дочерям уже это узнать.

Никто не спросил больше ничего до самой Гайвы. Припарковав машину, Вера осталась на водительском месте дописывать перевозчику. Из его сообщений следовало, что к воскресному вечеру надо точно сказать, что из мебели грузить. Ася прислала фотографию серванта у старой стены, снятую летом. На снимке в почти незаметной щели между стеклом и деревом торчала оранжевая бумажка.

«Это мой пропуск. Мы с бабушкой в санаторий играли. Сервант у нас был санаторием. Вот и всё. Я тебе, мам, не за полировкой десять лет уши грею».

Вера уже набрала «Да помню я», прежде чем сообразила, что ни о каком санатории она не помнит. Они забирали девочку от бабушки по воскресеньям, подкармливали её на ходу калачами и спрашивали: «Ну как ты там?» Девочка отвечала: «Хорошо». У них негласно считалось, что с малолетства Ася была молчалива.

«Я не знала, — набрала она наконец. — Приедешь — покажешь».

Она отправила сообщение и стала ждать подрядчика. Он отметил, что прочёл, написал «ждём», ушёл из сети. Мимо

стекла, почти вровень с Вериной головой, мать понесла домой пустое яблочное ведро. Яблоки оставила в новой квартире.

Вера поднималась на пятый этаж одна. На третьем она остановилась перевести дух, услышала сверху смех. Мать и Нина успели куда быстрее. Между третьим и четвёртым постоянно звучало старенькое радио. Раньше Вера думала, что это соседский старик никуда не отлучается. Теперь за дверью говорили детские голоса. Негромкая музыка была просто удобна в коридоре, когда дети спали.

Наверху Таня, не раздевшись, сидела среди пустых курток и писала фломастером на распластанной коробке из-под велосипеда. На картоне красовалось «Хрупкое. Асфальтоукладчик». Вера присела рядом и нарисовала тремя движениями решётчатую ограду. Таня внутри пририсовала сиденье и рычаг. Получилось так похоже на Асину машинку, что Вера решила сделать фотографию и послать ей сразу же. Дочь была в сети, печатала ответ.

Из соседней комнаты донёсся голос матери:

— Татьян, ты где? Постой со мной минуту. Мне нужна Золушка примерно твоего роста.

Глава 3. На живую нитку

Таня пошла к матери с фломастером в зубах. У матери изо рта тоже торчал колпачок. Обе прыснули. Колпачок пролетел над столом и угодил в щель за складным метром. Мать не глядя вытащила из клубка длинную спицу, выудила колпачок и надела его на фломастер с нацарапанным на боку именем «Вера».

— Сейчас только стол освобожу, — сказала она.

Пока мать убирала метр, Таня сгребла в горсть пуговицы. Под ними открылась столешница с серым линолеумом в чёрную крупинку. Такой же стелили в трамваях и районной поликлинике. С краю, как раз там, куда они с сёстрами когда-то доставали лбами, лежала белая полукруглая заплата. Таня помнила её языком. Мать разговаривала с клиенткой, а Таня могла сколько угодно лизать эту рыбью чешуйку. Главное, чтоб никто не донёс.

Ящик остался выдвинут. В детстве Таня то и дело натыкалась на него лбом, потом плечом, а как доросла до края столешницы, научилась задвигать бедром. Сейчас машинально толкнула его. Изнутри отозвалось бряканье.

— Из кого Золушку шьёте? — спросила она.

Мать расстелила на столе ткань. Такую обычно покупали для постельного белья. От сгибов шли узкие грязноватые полосы. Когда мать расправила ткань до конца, Таня увидела

широкую юбку из бязи и поверх неё моток узкой тесьмы.

— Лена у нас её играет. Сама знаешь, как у меня с именами. Теперь я их по ролям в телефоне записываю. Так мне и звонят. На прошлой неделе звоню фее, а мне ребёнок в трубку: «Перезвони, бабушка укорачивает носы». У них там на дне рождения палочка волшебная. В одну сторону махнёшь — нос растёт. В другую — укорачивается.

— Это у кого внучка?

— У феи. Мои трое — Золушка, король и мачеха. Фея в готовом играет. Где у тебя талия, покажи.

Таня нащупала сквозь футболку талию. Ей всегда не хватало пары сантиметров, чтобы покупать в магазине брюки и носить их, не подшивая. А мать называла её и Нину одинаковыми по росту. У Нины совсем другие ноги, та даже сидела как взрослый человек, обеими ступнями на полу. У Тани, стоило ей глубоко сесть в кресло, носки начинали жить собственной жизнью.

— Ты сказала, у нас с ней рост одинаковый. А длина от талии до пола? У Нины, например…

— Так я о чём. Мне глянуть, что произойдёт с юбкой, когда ты рукой махнёшь. Для подола у меня Лена завтра будет.

Мать подала ей очки с жирным отпечатком на правом стекле. Таня протёрла стекло краем футболки, подышала и протёрла ещё раз. Она всю жизнь сердилась, когда кто-нибудь из сестёр так делал.

В дверях показалась Вера с длинной бумажной полоской.

Оборотную сторону матрасной бирки занимал план новой квартиры. Там, где открывались двери, Вера пририсовала дуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.